

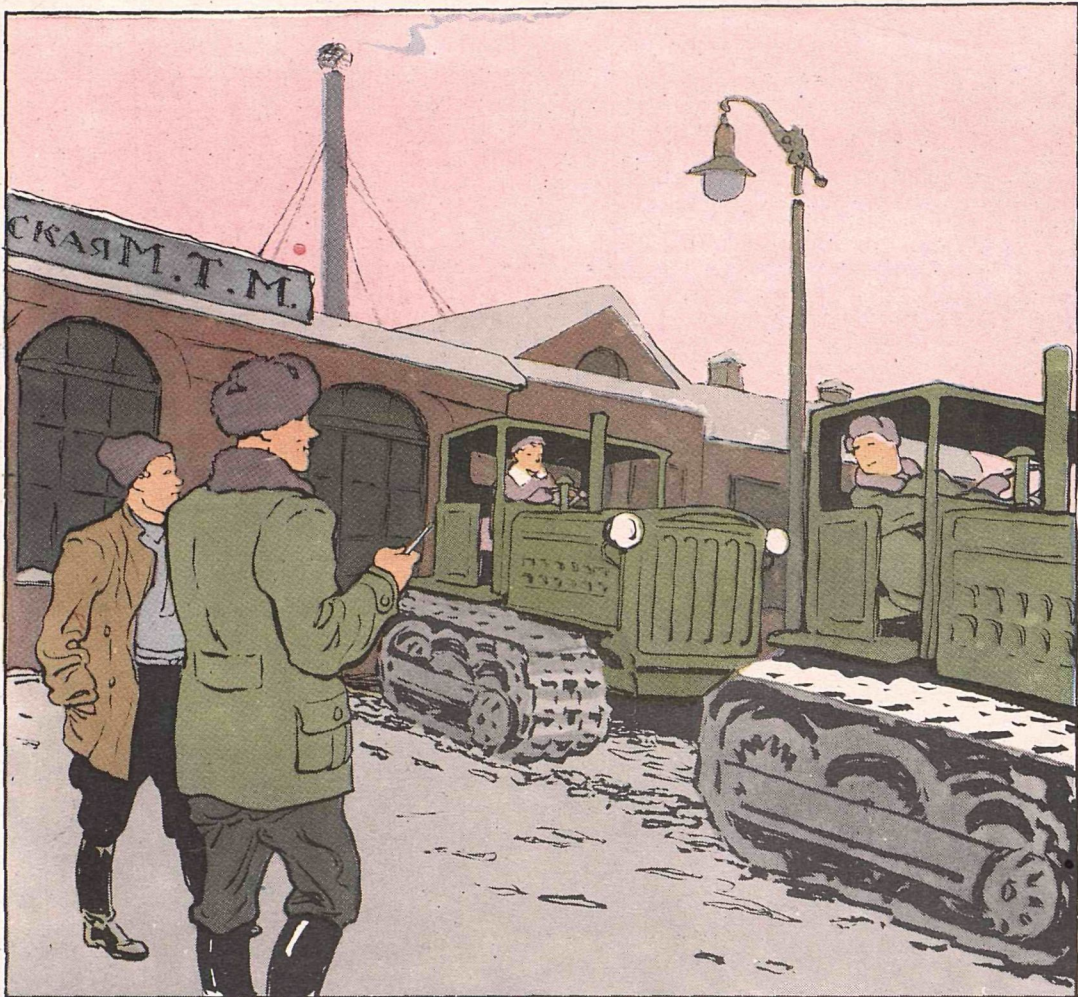
К Р О К О Д И Л

**ОТДАДИМ ВСЕ СИЛЫ
ВЕЛИКОМУ ДЕЛУ ЗАЩИТЫ
МИРА ВО ВСЕМ МИРЕ!**

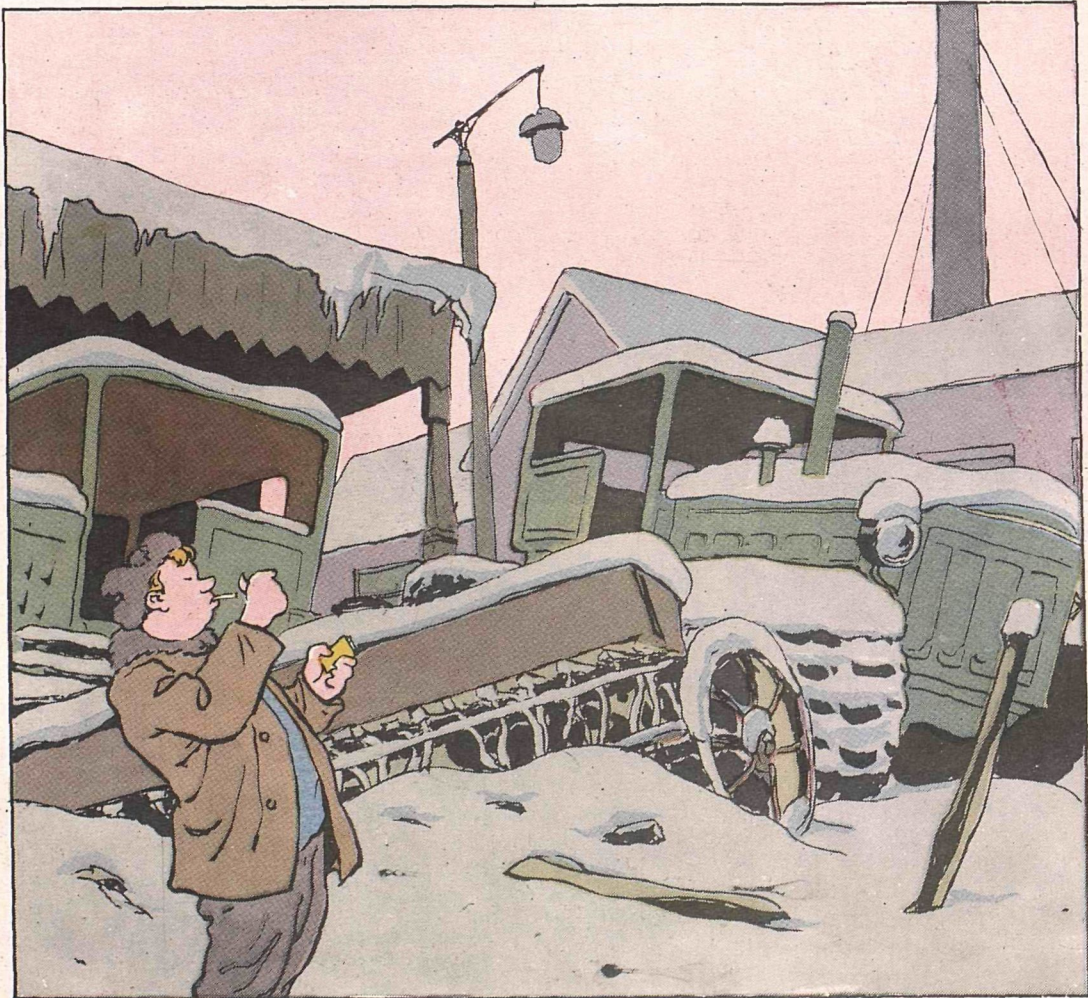
**ВЫПОЛНИМ
ДОСРОЧНО ГОДОВОЙ
ПЛАН!**

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

У кого весна не за горами...

...а у кого за горами.

Начальнику объединения
«Мурманрыба» тов. П. В. САПАНАДЗЕ
Управляющему трестом
«Мурманрыбстрой»
тов. В. И. АЛЕКСЕЕВУ
гор. Мурманск

Уважаемые товарищи!

Посылаю я вам свой низжайший кроко-
дильский поклон, да, признаться, не совсем
уверен, что он дойдёт до вашего сознания.
Червь сомнения начал меня точить
с тех пор, как я стал читать газету
«Полярная правда». Пишет о вас газета
один раз — вы поль вниманья. Выступает
второй раз по тому же вопросу — вы опять
делаете вид, что отвечать на её статьи не
входит в круг ваших высокоответственных
обязанностей.

Для примера, товарищи Сапанадзе и
Алексеев, давайте совершим маленькую
экскурсию в прошлое. В сентябре 1950 года
«Полярная правда» выступила со статьёй
«Посёлок ждёт хозяина», где писала об от-
сутствии элементарных бытовых удобств
в рыбацком посёлке Новый Нагорный.

Ничего не скажешь, хорошая была ста-
тья! Другие бы на вашем месте... Впрочем,
вы, наверное, слышали, что настоящие ра-
ботники на выступления печати реагируют
быстро и по-деловому. Через какой-то про-
межуток времени в газете появляется от-
клик, что, мол, меры приняты, недостатки
устранены.

Если вы, товарищи Сапанадзе и Алексеев,
помните, через четыре месяца «Полярная
правда» тоже напечатала отклик на
статью «Посёлок ждёт хозяина». Ваши имена
и названия руководимых вами учрежде-
ний заняли в отклике почётное место.
Только... отклик, как вы помните, назы-
вался: «В посёлке Нагорный без перемен».

Или возьмём ещё один пример. В ноябре
1950 года «Полярная правда» напечатала
фельетон тов. Захарова «Васильевская све-
тёлка». Фельетон был направлен против
расточительства, допущенного главным
инженером треста «Мурманрыбстрой»
А. Г. Васильевым.

Речь шла о том, что Васильев, пользуясь
правом «власть имущего», не постеснялся
оборудовать свою «светёлку» за государ-
ственный счёт.

Здесь, как и в первом случае, читатели
«Полярной правды» ждали, что вы, това-
рищ Алексеев, как управляющий трестом
«Мурманрыбстрой», откликнетесь на фелье-
тон. И вы, действительно, откликнулись...
непристойными выпадами против газеты,
бранью и категорическим требованием
прекратить выступления по этому вопро-
су. Ну, а в качестве отклика «Полярной
правде» пришлось печатать заметку «Ещё
раз о васильевской светёлке».

Так, товарищи Сапанадзе и Алексеев, вы
воспринимаете критику. Вот почему я и
опасаюсь: а вдруг и мой поклон не дойдёт
до вашего сознания?

Засим низко кланяюсь.

Крокодил

Набор

ИВАН Павлович Куликов, директор большого гастрономического магазина, сидел в своей тесной каморке, которую он гордо именует «резиденцией», и разговаривал по телефону с заведующим базой, снабжавшей его рыбным товаром.

С трубкой, прижатой к уху, и с любезно-просительной улыбкой, застывшей на полном лице, Иван Павлович, человек крупный и басовитый, выглядел сейчас не очень солидно. Даже в голосе у него появились несвойственные ему сладкие, мурлыкающие переливы.

Объяснялась эта метаморфоза тем, что Ивану Павловичу стало известно о прибытии на базу партии копченых угрей.

Копченый угорь — редкий деликатес, он ценится знатоками, а Куликов особенно гордился своим рыбным отделом, поражающим взоры и воображение покупателей богатейшим разнообразием ассортимента. К копченому угрю Куликов сейчас и подбирался, опасаясь в глубине души, как бы угри не уплыли к Федотову, директору соседнего магазина, с которым он соревновался. От коварного Василия Кузьмича, заведующего базой, всего можно было ждать!

Томно щурясь, Куликов говорил:

— Потребитель-то, Василий Кузьмич, на нынешнем этапе уж больно стал придирчив! Его селёдкой да лещом не удивишь! Ему, Василий Кузьмич, скумбрию подавай черноморскую, миногу... Что-с? Вот именно, Василий Кузьмич, под миногу!.. А ещё, Василий Кузьмич, некоторый потребитель любит копченого угорька. То-то и оно!.. Василий Кузьмич, говорят, прибыли угорьки?.. Да ведь слухом земля полнится, Василий Кузьмич!.. Нет, не от Федотова!.. Разве этот кашалот скажет!.. Вы мне... подбросьте угорьков, Василий Кузьмич?.. Есть!.. Буду ждать вашего звонка!

Куликов положил трубку и сразу преобразился в обычного Ивана Павловича — в уравновешенного, значительного, знающего себе цену мужчину.

Вошёл Хромов, старший продавец рыбного отдела, в белой шапочке на розовой интеллигентной лысине, в роговых очках. — Там вас спрашивают в магазине, Иван Павлович, — сообщил Хромов. — Двое каких-то. Говорят: дайте нам вашего директора, мы хотим его осчастливить. У нас, говорят, есть идея.

Иван Павлович пожал плечами в полном недоумении:

— Идея?! Идей у меня своих хватает! Угрей нет! Контролёры, что ли, Степаныч?

Хромов мудро улыбнулся:

— Непохоже, Иван Павлович. Контролёр в магазине себя тихо ведёт, скромно, вроде сома. А эти развязные, бойкие, как молодые щучки. К ним выйдете или сюда привести?

Иван Павлович подумал и сказал:

— Давай сюда, в резиденцию!

Посетители оказались франтовато одетыми мужчинами с сильно поношенными лицами. Один, повыше, в зелёной шляпе и цветастом кашне, улыбнулся, показав сплошь стальные зубы (Иван Павлович подумал: «Этот всё перекусит, что ни дай!»), и сказал хорошо поставленным баритоном:

— Я Илья Проков, художник, так сказать. А это мой соавтор, Корней Кляв — стихи.

Второй посетитель, ростом пониже и одетый поскромнее, молча поклонился.

Первый продолжал:

— Мы с Корнеем Альфредовичем в своё время много работали по коммерческой рекламе, вы должны нас знать. У Корнея Альфредовича и на эстраде проходили номера, в разговорном жанре. В своё время он много пописывал.

— И печатался, — поспешил добавить второй, — читали?..

— Не приходилось, — вежливо сказал Иван Павлович. — Вот в колбасном отделе у нас имеется продавец, Егоров, комсомолец. Это читатель! Он за год сто пятьдесят книг прочитал. Можно позвать.

— Зачем же? Вы сами потом поговорите с вашей общественностью. А это только так, интродукция.

«К чему это он подъезжает?» — тревожно подумал Иван Павлович и сказал:

— Садитесь, товарищи соавторы. Угощайтесь папиросами, прошу. Поговорим.

Проков и Кляв уселись, взяли по папиросе, задымили, и Проков в том же возвышенном и несколько театральном тоне начал:

— Мы с Корнеем Альфредовичем сейчас много размышляем над проблемами советской торговли и хотим отдать свои творческие силы этому благородному делу.

— Похвально! — сказал Иван Павлович и про себя решил: «Сейчас будет жульничество предлагать».

— Мы с Корнеем Альфредовичем обратили внимание на стенную печать. Что такое стенгазета для торговой точки? Это восклицательный знак с многообразием, простите за каламбур. Это — зеркало магазина, визитная карточка его директора. Теперь скажите, Иван Павлович (Иван Павлович подумал: «Уже и как зовут узнали!»), вы довольны своей стенгазетой? Она вас

лично удовлетворяет с точки зрения ваших эстетических и литературно-художественных вкусов?

— Наши вкусы известно какие, — сказал Иван Павлович, — как партия учит: пиши правду, не ври, критикуй смело, невзирая на лица, вскрывай недостатки, помогай хорошему. Я хоть и беспартийный, но целиком присоединяюсь к этому вкусу.

— Это понятно. Но мы говорим о форме, Иван Павлович. Форма имеет большое значение, и форму нельзя отрывать от содержания.

— Правильно! Зачем же её отрывать?! Мы и не отрываем. У нас свои художники имеются: Васюкова из кондитерского и Засухин из полуфабрикатов. Но, конечно, наше дело — за прилавком стоять. Пишем и рисуем, как умеем.

— Корней Альфредович, покажите! — скомандовал Проков.

Второй соавтор, державший в руках рулон толстой ватмановской бумаги, в одно мгновение ока развернул его и положил на стол к Куликову.

Перед глазами Ивана Павловича предстала стенгазета невиданной красоты. Она была многокрасочная, с рисунками, с фотографиями, с какими-то узорчиками и завитушками и даже с искусно сделанным из фанеры миниатюрным почтовым ящиком, наклеенным на бумагу, под которым чернела жирная надпись: «Пишите нам!»

— Вот! — заявил Проков. — Любуйтесь! Это ваша стенгазета. Называется «Точные весы».

— У нас не «Весы», — растерянно сказал Иван Павлович. — У нас «Зоркий глаз».

— Был «Глаз», будут «Точные весы». Обратите внимание — всё уже сделано. Вот передовица «Боремся за план» — дайте цифры, мы вставим — и готово: гром победы раздавайся! Вот стихотворные лозунги: «Ребята, будем жать да жать, процент усушки понижать». Усушку можно заменить уткой или утрусой. Скажите, чем, — мы заменим. Это отдел юмора и сатиры «Что кому снится». Фамилии ваши — сны наши. О подписях договоримся. Можно псевдонимчики поставить, можно — фамилии ваших товарищей. Размер гонорара определим особым соглашением. Вам всё понятно?

— Понятно, — задумчиво произнёс Иван Павлович, — всё понятно!.. Конечно, какие мы писатели?! А тут уж всё готово! Здорово!

— С такой стенгазетой вы Федотова за пояс заткнёте! — горячо заговорил Корней Альфредович Кляв. — А без стенгазеты вам труба. У него показатели по соревнованию не хуже, а некоторые даже получше. Мы всё узнали. Вот вы его и шарахнете стенгазеткой, Иван Павлович! Получите переходящее знамя, будете нас благодарить.

— Н-да-да! Здорово придумано! — с той же проникновенностью сказал Иван Павлович, глядя на соавторов. — Ловко!.. Тургенев Иван Сергеевич или, скажем, товарищ Островский, «Как закалялась сталь», до такого своим умом никогда бы в жизни не дошли!

— Вы, кажется, позволяете себе кое-что! — сквозь стальные зубы надменно процедил Проков. — Не хотите — не надо. Мы пойдём со своей идеей к Федотову. Он у нас её с руками оторвет! Вам же будет хуже!

Иван Павлович хотел ответить, но вдруг на столе зазвонил телефон. Куликов снял трубку.

— Слушаю! — сказал он вкусным своим басом. — Узнал, узнал!.. Так!.. Понятно!.. Уже здесь!.. Так и сделаю!..

— Послушайте, Иван Павлович, — обратился к Куликову Корней Альфредович Кляв, — если вы стеснены по смете и не можете нам выдать гонорар в денежных знаках, то мы согласны брать продуктами. Так вам легче будет комбинировать. Вот у вас рыбка очень хороша! Мы можем брать рыбой. Балыками там, лещами!..

Кончики ушей у Ивана Павловича стали розоветь.

— Это можно! — сказал он, поднимаясь из-за стола. — Леща можно дать!.. Мне Федотов сейчас звонил, между прочим. Вы и у него уже успели побывать! А ну, вон отсюда, халтурщики! Чтоб духу вашего не было в магазине!

Соавторы переглянулись, Кляв схватил со стола роскошную стенгазету, и не успел Иван Павлович опомниться, как они уже исчезли.

Куликов отдышался, сосчитал до семидесяти, чтобы успокоиться, и набрал номер телефона заведующего базой.

— Василий Кузьмич, это я, — сказал он умильно, — нет терпения ждать вашего звонка, извините уж. Как же с угорьками-то, Василий Кузьмич?.. Вот спасибо, Василий Кузьмич!.. Вот именно: наша задача — угодить потребителю. Василий Кузьмич, ещё просьба: Федотову-то тоже подбросьте угорьков. Что? Соревнуюсь, конечно! Но ведь мы же советские торговцы, Василий Кузьмич, правда?.. Да я его, кашалота, и на равных одолею!.. Ну, спасибо, Василий Кузьмич, ещё раз спасибо!..

Он положил трубку и пошёл в магазин, в рыбный отдел. Ему хотелось порадовать Хромова доброй вестью.

ЗАСУХА: — Ох, и вяжут же меня крепкими узлами!

ДОРОГАЯ БОРОДА

СПЕКТАКЛЬ всегда рождается в муках. Без труда, вдохновения и пота не поставишь и миниатюрного скетча. Муки творчества одинаково знакомы прославленному артисту и безвестному кружковцу. Но члену коллектива художественной самодеятельности ведомы и такие испытания, о которых его академический собрат не имеет ни малейшего представления.

Перенесёмся мысленно в какой-либо периферийный стан драмкружковцев. Что ищут они? Хорошую ли пьесу? Весёлый скетч? Остроумный водевиль? И то, и другое, и третье. И ещё они ищут бороду. Обыкновенную купеческую бороду. И парики.

Поиски дремучей бороды обычно начинаются с несколько унизительного разговора с неподкупным распорядителем месткомовских кредитов.

— Опять? — спрашивает местный финансист, сурово оглядывая переминающихся с ноги на ногу кружковцев. — Опять пришли по мою душу? Полгода назад купили четыре бороды. Где они? Неужели их уже сносили?

— Так то же были бакенбарды. А теперь...

— А по какой, извините, статье я проведу ваши бороды?

После дружного нажима статья находится. Кружковцы дают список необходимых бород, париков и прейскурант, подписанный начальником главного управления снабжения Комитета по делам искусств В. Головым.

— «Парики из сарлычьего волоса, — читает месткомовец, — городской — 115 рублей 45 копеек, русский — 100 рублей 87 копеек, бобрин — 143 рубля 25 копеек...» За простой бобрин платить полторы сотни? А не дешевле ли самому отрастить?

— Но, это ведь сарлычий волос. Он на человеческой голове не произрастает.

— «Парик лысый — 76 рублей 90 копеек!..» Семьдесят шесть рублей за имитацию плешки!

Наступает тяжёлая пауза.

— Пойдите! «Парик на замше — 345 рублей 40 копеек...» А нет ли тут париков на панбархате, парче, атласе или креп-жоржете?!

Заключительная часть беседы протекает в обстановке полного взаимонепонимания. Кружковцы мысленно поносят распорядителя кредитов, называя его скупцом, жилой и даже кулаком. Месткомовец искренно считает кружковцев растратчиками и прожигателями жизни.

Между тем обе стороны правы.

Почему это так получается, мы объясним несколько ниже. А сейчас следует рассказать об одном происшествии.

Летом прошлого года один из ломовых извозчиков города Энгельса неожиданно обнаружил исчезновение хвоста у своей лошади. Точнее, хвост был, но почти совершенно лишённый волос. Лошадь отмахивалась от мух кургузым, уродливым, с точки зрения извозчицкой эстетики, обручком.

Преисполненный негодования, ломовик начал разыскивать хвостокрадов. Но злоумышленников так и не нашёл.

Конец этой истории нам рассказал директор энгельского Дворца пионеров Анна Петровна Смирнова. Во Дворце проходил смотр художественной самодеятельности. В одном из номеров два исполнителя предстали в бородах из конского волоса. Самодельные бороды покорили членов жюри. Номер сняли. Ребята страшно огорчились. Всклипывая, дебютанты рассказали, какому риску они подвергали свои уши, когда добывали сырьё для бород. Но самоотверженность молодых исполнителей не была оценена.

И на этот раз, как мы видим, обе стороны (жюри и дебютанты) в какой-то степени были правы.

В городе Энгельсе бороды и парики изготавливаются не только из конского волоса. Их делают из пакли, мочалы, бумаги, мешковины и прочих материалов, от которых у театрального парикмахера волосы стали бы дыбом. Всё это происходит не только потому, что бороды и парики дороги. Их просто не достанешь в магазинах. Такая же антикварная редкость — локоны, косы, брови и бакенбарды. Не найдёшь на прилавке и театрального клея, грима, нотной бумаги.

В прошлом году представители ВТО продемонстрировали работникам городского театра костюм из мешковины, который выглядел со сцены, как шерстяной. О чуде, сработавшем портными из ВТО, прослышали кружковцы.

— Вот путь к дешёвому театральному костюму! — возликовали они.

Радость кружковцев была преждевременной. Во-первых, товарищи из ВТО так и не открыли секрета портняжьего чуда, во-вторых, мешковину-то купить негде.

— Почему нельзя достать предметов реквизита и бутафории? Почему так получается? — вопрошают кружковцы.

Действительно, почему?

На недоуменные вопросы кружковцев не отвечают ни комитеты по делам искусств и культурно-просветительных учреждений, ни культурно-массовый отдел ВЦСПС. Видимо, они считают это не столь уж важным делом. Дескать, было бы лицо, а борода всегда найдётся. Но борода ведь нужна не одна. Кружковцев миллионы. Отсюда и масштабы. Отсюда и спрос. Удовлетворить его мы обязаны. В ответ на телеграфную просьбу, скажем, из города Саратова, какой-нибудь снаб должен бодро сообщить:

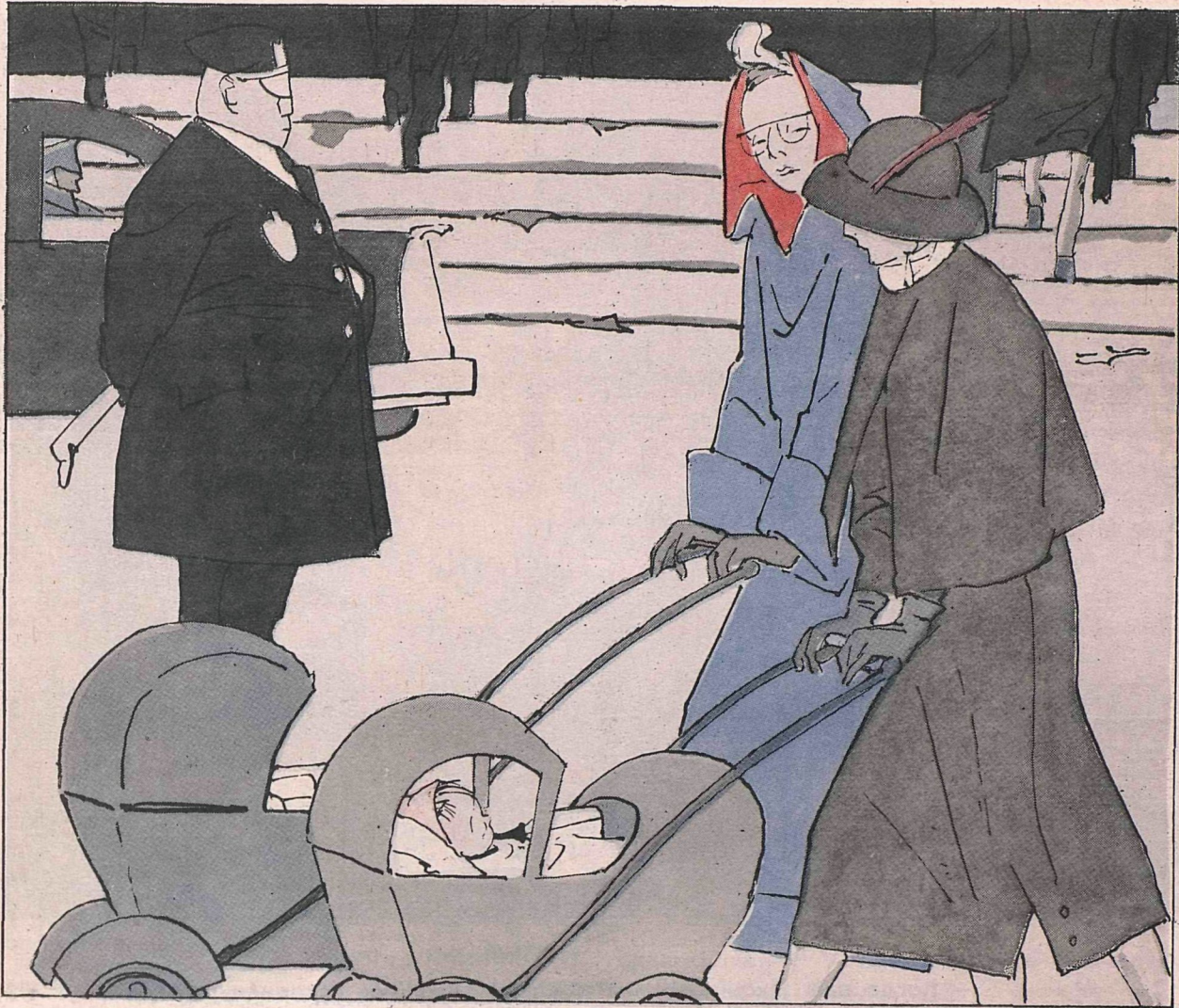
«Заказ выполнен тчк Отгрузили вагон сивых бород зпт также дешёвых первоклассных лысин тчк».

С. ДАВЫДОВ

СЕМЕЙНАЯ РАДОСТЬ

Рис. Л. Сойфертиса

В США детей обязывают доносить на своих родителей в ФБР.

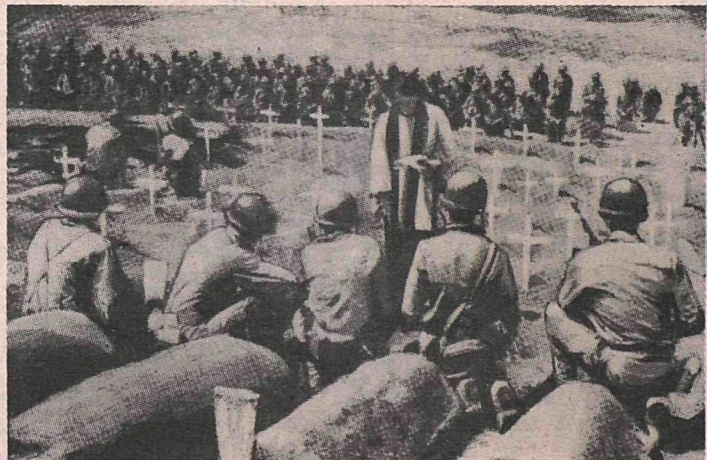
— Мой бэби сказал сегодня первое слово!
— Кому! Полисмену!

НАЧАЛО

«Самым желательным преподавателем в любой американской школе должен быть армейский сержант».

Это ответ мистера Томаса Ламонта, совладельца фирмы Моргана, на вопрос, что он думает о воспитании детей.

Военная истерия захватила сейчас и начальную американскую школу. Пожелание мистера Ламонта осуществилось. Сержанты заняли прочное место в школе.

Посмотрите на снимок (внизу слева), взятый нами из газеты «Вашингтон пост». Так проходит первый урок в начальной школе имени Джорджа Вашингтона в городе Александрии, штат Луизиана. Маленькие американцы ежедневно тратят массу времени на овладение оружиемными приемами, на стрельбу и другие военные упражнения. Это одна из иллюстраций «мирных» намерений мистера Трумэна.

КОНЕЦ

А вот второй снимок (вверху справа), заимствованный из журнала «Ньюс уик». Это уже не первый, а последний урок для некоторой части молодых американцев, сложивших свои головы за интересы Уолл-стриты на корейской земле.

От винтовки, полученной из рук сержанта, до деревянного креста, освященного патером,— таков короткий, безрадостный жизненный путь многих молодых американцев!

— Когда наш Джон окончил колледж, ему все говорили, что он далеко пойдёт!
— Да уж дальше идти некуда. В поисках работы он всю Америку обошёл!

БИЗНЕС МИСТЕРА ХОДКИССА

ДЖЕНТЛЬМЕН в нахлобученной на глаза шляпе, засунув руки в карманы, шагал по Юнион-скверу. Поровнявшись с газетным киоском, джентльмен окинул взглядом исподлобья продавца, затем внезапно протянул костлявый палец и дотронулся до небольшой бородки газетчика:

— Это что у вас, а?

В Нью-Йорке на вопросы незнакомых джентльменов рекомендуется отвечать немедленно. И газетчик находчиво сказал:

— Это моя борода, сэр.

— Гм! А это что у вас?

На сей раз палец джентльмена коснулся пёстрого галстука.

— Мой галстук, сэр,— сознался допрашиваемый.

— Всё ясно. Вы нарушили инструкции мистера Ходкисса,— заявил джентльмен и, повернувшись в сторону Бродвея, поманил кого-то согнутым пальцем.

— Инструкции, сэр? Какие инструкции? — начал было газетчик, но растерянно замолчал, увидев приближающегося к киоску полицейского. Последний весело размахивал своей дубинкой и жизнерадостно позванивал цепочкой от наручников, свисавшей из-под его кителя.

— Согласно последней инструкции мистера Ходкисса, руководителя отдела скверов и

садов муниципалитета Нью-Йорка,— говорил джентльмен, отчеканивая слова с мрачной торжественностью,— всем лицам, снимающим углы для продажи газет в нью-йоркских садах, отныне запрещается носить бороды и усы, напоминающие Мефистофеля, Бернарда Шоу и Чарли Чаплина, а также пёстрые галстуки. Газетчикам рекомендуется принимать облик миссионеров, а не подрывных субъектов.

— Сэр... Я не успел познакомиться с инструкцией... Я полагаю, сэр, что у миссионеров свой бизнес, а у газетчиков свой... Я думал...

— Вы думали! — рявкнул джентльмен.— Плохо вы думали, если осмелились вывешивать ваши газеты и журналы снаружи! В инструкции сказано, что печатные издания должны быть расположены ровными рядами, как могильные плиты на кладбище. Выделяться ничего не должно. Ясно?

— Да, сэр. Миссионеры, сэр... Могилы, сэр... — бормотал растерявшийся газетчик.

А джентльмен не унимался:

— Зачем тут у вас «Дэйли уоркер»? Продажа этой газеты запрещена мистером Рихтером, председателем ассоциации газетных продавцов. Известно вам это?

— Да, сэр. Но это распоряжение не носит характера закона. Я голосовал против этой меры. Раз газета выходит и читатель её любит,

то почему её не продавать? Ведь у нас свобода печати, сэр!

— Х-ха! — зловеще усмехнулся джентльмен. Полицейский раскрыл пасть и тоже произнёс: «Х-ха!»,— после чего сделал шаг вперёд и сказал:

— Давайте сюда вашу справку о благонадежности и расписку об оттиске пальцев.

— Я храню эти документы дома, сэр.

— Дома? Почему же вы сами не сидите дома? Немедленно отправляйтесь домой, а завтра чтобы вы были на месте с документами и без бороды. Понятно?

Судя по последней инструкции о правилах продажи газет и журналов, мистер Ходкисс не лишён творческих взлётов фантазии. Но под поэтическими шалостями его пера скрываются прозаические цели. Чем чаще меняются владельцы киосков, снимающие углы в скверах, тем больше заработает муниципалитет, взимающий определённую мзду за место. Мистер Ходкисс рассчитывает подработать ещё и на штрафах, полученных за нарушение его инструкции-фантази. Кроме того, совмещая приятное с полезным, мистер Ходкисс активно включился в борьбу против распространения прогрессивных органов печати.

Т. РЕМИЗОВ

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Ей петь наотрез запрещали врачи
(Щадили здоровье и нервы соседей),
Домашние ей: «Маргарет, не кричи!» —
Порой говорили в интимной беседе.
Но если судить по заметкам газет,
Никто урезонить не смог Маргарет.

* * *

Вернёмся к началу. Что было сначала?
Сначала со сцены она покричала,
Затем этот крик описал рецензент
В отчёте. Приводим дословно фрагмент:

«На протяжении всего концерта было очень мало моментов, когда можно было отдохнуть и быть уверенным, что она придёт к своей цели, которая означает конец песни». (Из статьи музыкального критика газеты «Вашингтон пост» Поля Хьюма.)

Потом Маргарет колотилась в истерике, —
Газета с отчётом пошла по Америке.
Потом наступил напряжённый момент —
Дочь смолкла, зато закричал президент.
Не смог удержать он отцовские чувства
И выступил так по вопросам искусства,
Таковую выложил грубости дозу,
Что мы переходим на грубую прозу:

«Я только что прочитал вашу вшивую рецензию, погребённую на последних страницах газеты... Я никогда не встречал вас, но если встречу, то вам потребуется новый нос и костюли». (Из письма президента Гарри Трумэна критику Хьюму. Газета «Ньюс». Вашингтон.)

А дальше? Какого ещё ждать этапа?
Всё ясно, поставлены точки над «і».
Ведь в этой истории дочка и папа
Вполне проявили таланты свои...
Казалось бы, просто: бездарная дочка
Должна бы, раз голоса бог ей не дал,
Со сцены сойти и умолкнуть. И точка!..
И точка? Нет, как бы не так! А скандал?..
Скандал для неё не крушение, не драма,
Не повод, чтоб плакать в ночной тишине,
Скандал для неё — деловая реклама
И факт, повышающий сильно в цене:

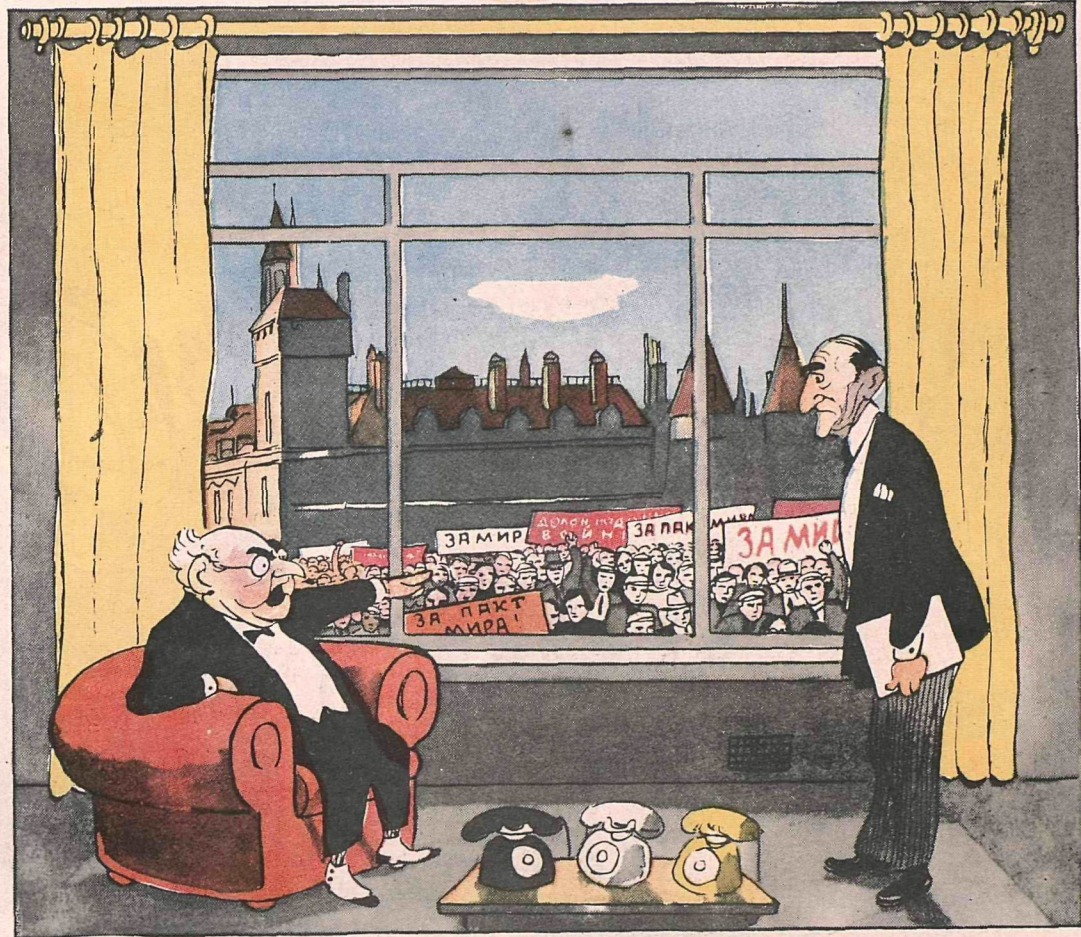
Американские газеты сообщают, что руководители радиокompании «Нэйшнл бродкастинг корпорейшн» после происшедшего скандала с Маргарет Трумэн заключили с ней контракт, по которому она будет получать ставку вдвое больше официальной ставки отца.

Таковую оценку нормальной считают,
Что вдвое дороже отца — Маргарет.
Ну что ж! У неё только голоса нет,
А вот у него... У него не хватает...
Ну, как бы сказать... не хватает того,
О чём стали в церкви молить для него:

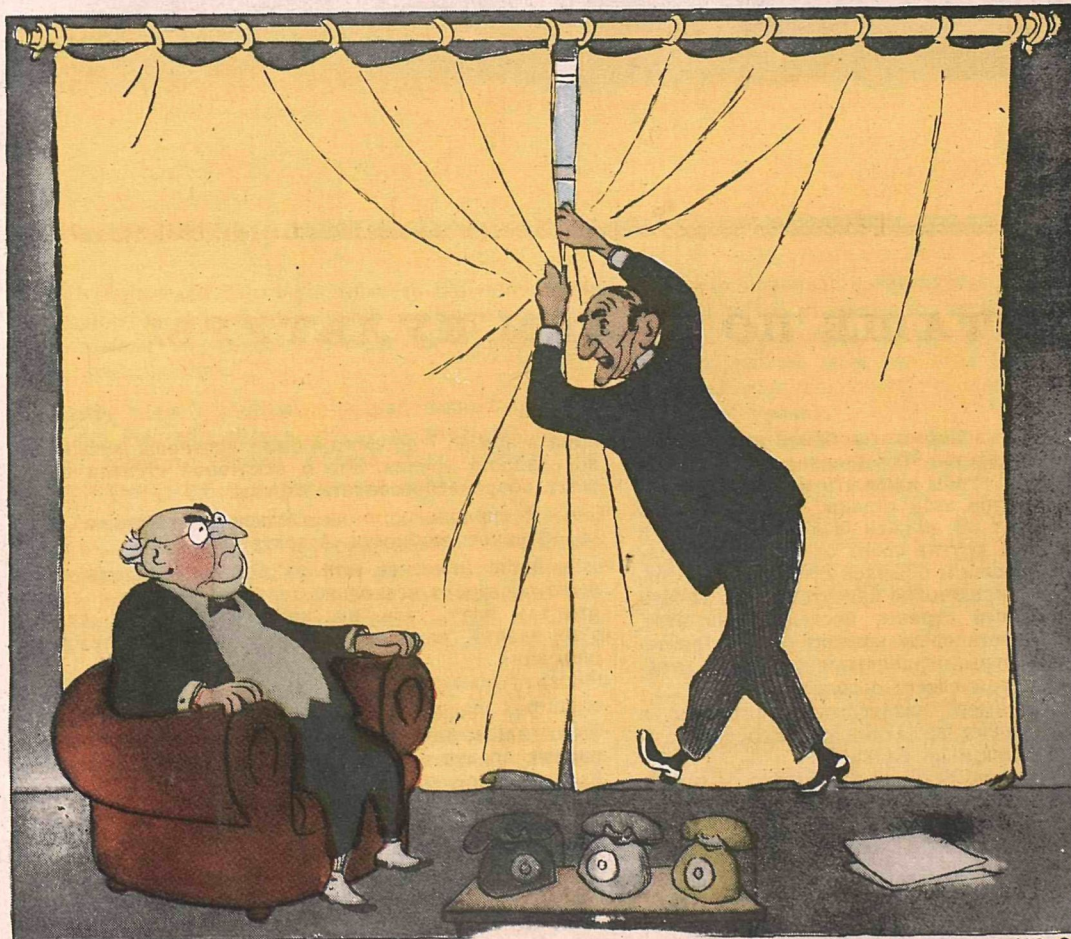
В городе Бриджпорте (штат Коннектикут) священник методистской церкви Олдерсон после истории с письмом Трумэна музыкальному критику стал читать в своей церкви специальную молитву, в которой просит бога научить президента владеть собой таким образом, чтобы он был достоин осуществлять власть, контролирующую жизнь других людей.

Итак, и священники молят всевышнего:
«Дай боже, чтоб Гарри не брякнул бы лишнего...»

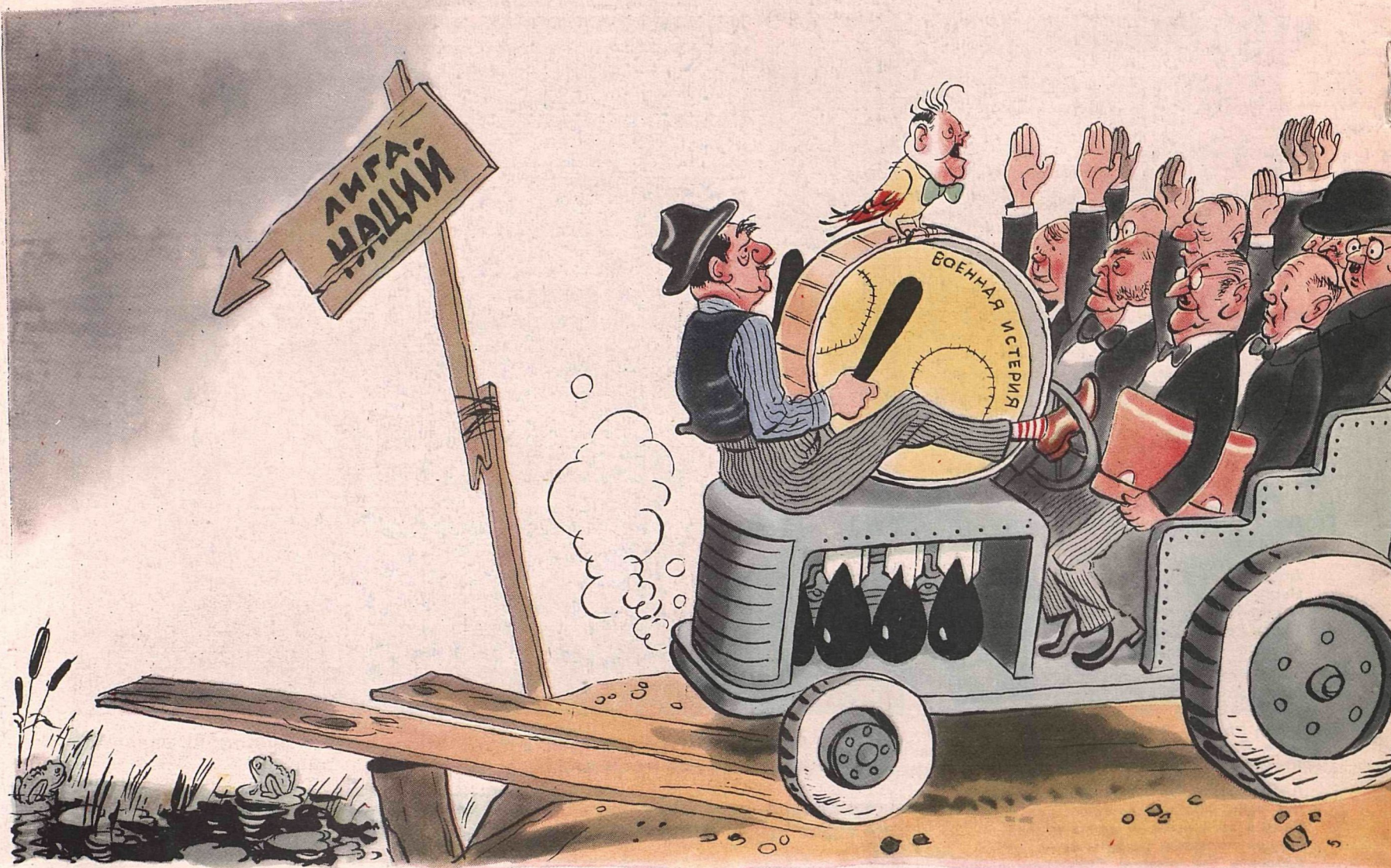
Рассудка и разума просят у бога...
И было б смешно это лишь и убого,
Когда бы он ведал делами капелл
Иль с дочкою в джазе дуэты бы пел.
Но в том-то беда — не певец он, не критик,
Ведь он, как-никак, президент и политик,
И стиль президента в делах и политике
Ничем не изящней, чем в области критики.

ФАБРИКАНТ (управляющему): — Чтобы я этого больше не видел!
Примите немедленно меры!..

— Вот всё, что в моих силах!

НА БЕССЛА

АТТАШЕ ПО ДЕЛАМ КУЛЬТУРЫ

СЛУЧИЛОСЬ, что в посольство одной заокеанской державы в государстве Икс приехал выдающийся культурный деятель, чтобы написать многотомное исследование о культуре этой страны. Но так как во время своей поездки он должен был собрать ещё и материалы для ряда других своих очень важных работ, касающихся жизни и обычаев соседних народов, а через неделю ему предстояло присутствовать на банкете в столице своей страны, исследователь этот, вместо того чтобы установить контакт с представителями местной культуры, ограничился беседой с атташе по делам культуры своего посольства.

— Каковы, например, читательские интересы в этой стране? — спросил выдающийся исследователь, постукивая карандашом по блокноту.

— Да, люди читают, безусловно, читают, — процедил атташе тоном человека, который знает цену своим словам.

— Что читают?

— Ну, конечно... книги.

— Ага, книги...

— Ну, и эти... газеты.

«...и газеты...» — отметил в блокноте знаменитый деятель культуры.

— Читают, — тянул дальше атташе, — поскольку, понятно, зрение им позволяет. Зрение, как известно, — дело серьёзное. В прошлом году во время при-

зыва в армию 7 процентов были признаны негодными по слабости зрения. Это в некоторой степени понижает обороноспособность страны.

— Я спрашиваю о читательских интересах, а не об обороноспособности. А театр?

— Надо отметить, что за последнее время здесь было построено несколько театров. Я даже полагаю, что там идут... эти, ну, представления. И одно из этих зданий, надо сказать, несомненно, заслуживает внимания...

— Ну, ну, что же вы можете мне о нём рассказать?

— Оно расположено напротив завода, изготовляющего гильзы для винтовочных пуль. Склады во дворе налево, триста пятьдесят два рабочих, восемнадцать залов, четыре этажа.

— У театра?

— Нет, у завода.

— Я вас спрашивал о театре, о театре, дорогой мой, а вы мне что рассказываете? Ну, а что вы знаете об искусстве этой страны? О формах его, о господствующих в нём течениях?

— Что касается искусства, то недавно здесь состоялась выставка художественной фотографии. Фотография — вещь необычайно важная, но в последнее время фотографировать становится всё труднее: следят.

— Вы снова своё, господин атташе по делам культуры! Не знаете ли вы чего-либо, скажем, о скульптуре?

— О скульптуре? Вот был здесь не так давно конкурс на лучший памятник лётчику. Да. Воздушных дивизий, зорко охраняемых, двенадцать, в том числе шесть эскадрилий реактивных самолётов, существование которых содержится в тайне. Размещены они, как явствует...

ТЩЕТНАЯ Ч

ДЛИТЕЛЬНОЕ время английский парламентский промысел был так же немислим без крепкой брани и ругани, как и промысел извозный, ломовой.

В далёкие годы, когда заседания были негласными, депутаты — грубые помещики — вели себя в палате общин запросто, точно в своей конюшне или же на псарне. И под сводами Вестминстерского зала тогда разыгрывались дикие сцены.

Непринуждённое, ругательное житьё-бытьё парламентариев было отравлено появлением газетных репортёров, пробившихся из редакций первых печатных газет на галёрку, над креслом спикера, — председателя палаты общин.

Один из министров той сумрачной эпохи, граф Бют, попытался было изгнать журналистов из парламента. Но запрет пришлось немедленно снять, так

ВНОМ ПУТИ

— Хватит! Вижу, что лучше нам прекратить эту беседу. Мне очень жаль, молодой человек, но, кажется, я буду вынужден сказать моему другу, министру внутренних дел, что вы не подходите для должности атташе по делам культуры. Позволю себе, кстати, заметить, что у них не шесть, а семь эскадрилий реактивных самолётов. Гуд бай!

Веслав Л. БРУДЗИНСКИЙ

(Из сборника «Польская сатира в борьбе за мир»).

ОПОРНОСТЬ

как на другой же день отдельные группы лондонцев бегали с верёвками в руках по всему городу в поисках крутой шеи графа Бюта.

Достопочтенные члены палаты, горластые кучерстоны-помещики и изворотливые дельцы-коммерсанты, вынуждены были примириться с гласностью.

Однако вскоре, свыкнувшись с присутствием репортёров, многие депутаты позволяли себе облаивать своих противников, прибегая к высокочастотной ругани. Алчная природа неотёсанных и необузданных господ английского народа упорно не поддавалась перекровке.

И вот сто лет назад чопорный парламентский секретарь Томас Эрскин Мэй сочинил научный трактат о правилах поведения, о процедуре и обычаях парламента. Этот рукотворный труд был предложен в за-

боте о ханжеской благопристойности парламентского предприятия, дабы современники и потомки без труда отличали парламент от Бедлама — лондонского дома сумасшедших.

Особое место в тщательно разработанных правилах Эрскина Мэя отводилось списку ругательных слов и фраз, которые спикер обязан был считать недопустимыми при парламентских дебатах.

В последующие сорок лет неутомимый Эрскин Мэй многократно пополнял и переиздавал свой список скверных фраз и слов, но тем не менее спикеры не могли никак одолеть и подавить ругательскую изобретательность членов парламента и их изощрённость в бранном ремесле.

На смену запрещённым оскорбительным словам высокочтимые ловкие ораторы находили новые поносные словечки. Они прибегали к вульгарному жаргону уличных газет и бульваров, цитировали двусмысленные песенки мюзик-холлов и т. п. Воспроизводство брани оказалось бесконечным процессом.

Век нынешний не внёс существенных перемен. Вторжение лейбористов на депутатские скамьи не улучшило парламентские нравы. Лакеи империалистов всегда были готовы браниться столь же увесисто, как и их господа.

Поэтому правила Эрскина Мэя, запрещающие пользование «непарламентским языком», пришлось дополнять и переиздавать четырнадцать раз.

В этих правилах среди недозволенных слов и выражений, метко уточняющих истинное лицо некоторых членов парламента, находились, например, такие: *собака, ведёшь себя, как осёл (болван, дурак), хам, елейный лицемер, пошляк, свинья, взяточник, продажный, преступник.*

В начале нового, текущего года было выпущено очередное, пятнадцатое, дополненное издание правил Эрскина Мэя. На этот раз в правилах опубликованы запрещённые выражения, которыми лейбористы и консерваторы пользовались для взаимной характеристики за последнее пятилетие: *проклятые оппозиционеры, провокатор, шпион, мошенник, незаконнорожденный.*

Английский парламента, в котором издавна царят отвратительная ложь и тошнотворное лицемерие, вероятно, станет теперь клубом образцовых ханжей. Забыв родную поговорку «Лучше хорошо поступать, чем хорошо говорить», члены парламента будут стремиться изъясняться на весьма учтивом, лошённом языке, по всем правилам галантности. Но это тщетная предосторожность!

Любое собрание более или менее цивилизованных граждан никогда не нуждалось в писанных правилах хорошего тона. Какими бы прилизанными, чопорными джентльменами ни пытались выгладеть английские парламентарии, всё равно они останутся мошенниками и обманщиками народа, прикрывающими свои гнусные дела болтовнёй о социализме и мире.

М. ПОЛИКАНОВ

ТО БЫЛО раннею весной.

— Слон! Гиппопотам! — крикнула Таня, морщась от боли. На пороге ателье она столкнулась с молодым человеком по имени Коля. Коля наступил ей на ногу и наступил так больно, что, кроме слона и гиппопотама, он получил ещё сверкающий гневом и презрением взгляд больших чёрных глаз.

— О эти чёрные глаза!.. — попробовал шутиться Коля.

— Невежа! — с ещё большей злостью сказала Таня и, подобно метеору, устремилась к трамвайной остановке.

А Коля, в отличие от некоторых Коля, совсем не был невежей. Это был обыкновенный, скромный Коля. Не был он и слонном, так как имел очень симпатичную наружность и стройное телосложение. Он стоял на пороге ателье и смущённо шептал запоздалые слова:

— Простите... Виноват... Я нечаянно...

Он смотрел на убегающую Таню с такой грустью, как будто от него убегала сама судьба. Смотрел и думал: «Такая хорошенькая и такая злая!».

Таня же на самом деле не была злой. Таню разозлили: скоро полгода, как она заказала демисезонное пальто, и скоро полгода, как ей говорят:

— Завтра.

Вот и сегодня она подошла к столу заказов и с выражением надежды и муки спросила:

— Готово? Или опять завтра?

— Мы, барышня, никогда не откладываем на завтра то, что можно сделать... послезавтра.

— Значит, когда?

— Значит, завтра.

— Но ведь завтра уже Первое мая!

— Значит, послезавтра.

— Послезавтра тоже выходной.

— Тогда послепослезавтра.

Согласитесь, что при такой ситуации ангел небесный и тот взбесится. А Таня была вполне земной Таней. Правда, справедливость требует сказать, что у Тани были красивые глаза, чудные белокурые кудри, не знавшие ни перекисей, ни окисей. Но самое совершенное, чему завидовали все её друзья и недруги, — это прекрасная, можно сказать совершенная, фигура.

Её часто приглашали на выставку мод, где она надевала платья-модели и демонстрировала их перед восхищёнными зрителями. И клянусь, что можно ещё спорить о том, чем больше восхищались зрители: моделью платья или стройной, словно точёной фигурой Тани...

Сидя в трамвае, Таня злилась всё больше и больше, но уже не на ателье, не на Колю, а на себя. «Боже мой, — думала она, — и за что я оскорбила человека! А он, кажется, такой порядочный и симпатичный. Что он подумает обо мне? Вот, скажет, какая грубиянка!».

Таня и Коля встретились через неделю. Встретились в том же ателье. Коля робко подошёл к ней и смущённо сказал:

— Простите меня, пожалуйста, я тогда вас...

— Что вы! Что вы! — сконфуженно перебила Таня. — Это я вас тогда оскорбила, а не вы меня.

— Никак не могу с вами согласиться, во всём виноват я.

— Нет, я.

— Да бросьте вы клеветать на себя!

— Нет, я совершенно серьёзно утверждаю, что...

Они посмотрели друг на друга и звонко расхохотались.

«Не такая уж она злая», — подумал Коля. «И совсем он не слон и не гиппопотам, а очень порядочный парень», — подумала Таня.

— Во всём виновато это проклятое ателье!

И Таня рассказала о своих мытарствах. А Коля поделился своим горем — третий месяц он ходит сюда за костюмом.

— Как же я вас раньше не встречала?

— И я вас.

— Видимо, мы приходили в разное время.

— Правильно!

Зато теперь как-то так получалось, что они стали приходиться в ателье в одни и те же часы. И, насколько я не ошибся в своих наблюдениях, оба они стали ещё скромнее и вежливее. Во всяком случае, как Коля, так и Таня охотно уступали свою очередь к столу заказов другим, а сами подходили последними, перед закрытием ателье.

— Готово? — спрашивала с выражением надежды и муки Таня.

И когда она слышала знакомое «Завтра», в её глазах загорался лукавый огонёк, и она, обращаясь, конечно, к диспетчеру, многозначительно и чётко говорила:

— Благодарю вас, я с удовольствием приду завтра к...

— Четырём, — шептал ей на ухо Коля, а она громко повторяла:

— К четырём.

* * *

Всему бывает конец. Конец этой истории совпал с началом очередной весны. А начало очередной весны совпало с началом семейной жизни — Коля и Таня поженились.

Медовый месяц они провели в основном в магазинах готового платья. Дело в том, что Коля обязательно настаивал купить для Тани три платья, сшитые по тем самым, очень красивым моделям, которые демонстрировала на выставке мод Таня. Тем более что наступали три значительные даты: во-первых, 8 марта, во-вторых, день рождения Тани, в-третьих, десятилетие Крымского моста. Я, кажется, забыл сообщить, что самые душевные встречи у них происходили у Крымского моста, где они часто, взявшись за руки, стояли и смотрели на Москву-реку, на зыблущееся отражение целой гаммы огней и молчали. И это молчание было красноречивее всех слов на свете!

Так вот, значит, они решили купить три платья, сшитые по тем самым, очень красивым моделям, которые демонстрировала Таня на выставке мод. Решили и пошли по магазинам. В первых пяти магазинах, которые молодожёны посетили в первый день поисков, когда они спрашивали платья, сшитые по вышеупомянутым моделям, им коротко и ясно ответили:

— Нет!

Ответ этот сопровождался ироническим взглядом продавщиц, который означал: «Вы с луны свалились?».

На следующий день они пошли в самый большой магазин.

— Пожалуйста, есть такие платья.

Улыбка довольства и радости осветила кино лицо.

Но странное дело! Когда Таня одно за другим стала примерять платья, улыбка довольства и радости сменилась кислой гримасой.

— Танюша, — с тихой грустью говорил он. — Я не понимаю, как же так получается: модель та же самая, ты та же самая, а в этих платьях ты превращаешься в чёрт знает что такое. Посмотри.

Таня смотрела на себя в зеркало и видела там какой-то весьма недружеский шарж на себя, с горечью отвёртывалась от зеркала и снимала платье.

Потом они ехали в другой магазин, в другой район города, но результаты были одни и те же. В одном из магазинов Таня призналась, что она сама на себе демонстрировала на выставке модели и они были великолепны. А тут? При этом заявлении продавец посмотрел на неё, как на человека, спросившего в аптеке балалайку, и заявил:

— Святая наивность! Так то ж на выставке, а здесь магазин. К нам же поступают платья с фабрики, а не с выставки.

В конце медового месяца они всё же купили одно платье, приблизительно отвечающее модели.

Воспользовавшись услугами частной портнихи и заплативши ей за «некоторые переделки» вторую стоимость платья, Таня наконец получила платье, соответствующее её фигуре.

* * *

То было раннею весной.

Коля и Таня стояли у открытого окна, ожидали гостей и любовались платьем.

— Посмотри, милый, — сказала Таня, показывая на улицу, — посмотри, сколько красивых женщин! И как жаль, что многих портит нескладная одежда. Даже зло берёт: модель на выставке одна, а исполнение совсем другое.

...В этот самый час на другом конце города у раскрытого окна кабинета стоял директор фабрики, где было изготовлено танино платье.

Он смотрел в синюю даль и самозабвенно информировал сидящего рядом с ним корреспондента «Вечерней Москвы»:

— Что касается плана по выпуску весеннего ассортимента дамской одежды, то план по данному ассортименту мы выполнили...

— Почему у вас в коридоре две бригады ремонт производят!
— Одна бригада кончает работу, а другая вслед за ней начинает снова!

ТЯНУТ-ПОТЯНУТ

В городе Евпатории, что у самого Чёрного моря, на тихой улице стоял шестикомнатный «Домик малютки». Его обитателями были граждане не свыше двух лет.

В городе Москве жила и по сей день проживает трудновывоариваемая организация «Всекопромсоветкасс».

Ещё в 1947 году задумала эта организация строить свой санаторий в городе Евпатории. А на участке, который отвели застройщикам под санаторий, оказался этот самый «Домик малютки».

И тут начинается история с передвижкой.

Президиум «Всекопромсоветкасс» решил снести домик с его насыщенного места и передвинуть на 150 метров в сторону.

Но для передвижки домика понадобился проект. А для того, чтобы составить этот проект, пришлось обратиться за помощью в Московский трест по передвижке зданий; чтобы реализовать этот проект, пришлось ещё дополнительно создать строительно-передвижную организацию и снабдить её необходимой техникой.

Тянут-потянут.

Год тянут, два года тянут. Малюток из домика в другой домик перетянули, 405 тысяч рублей из государственного кармана на расходы по передвижке вытянули, но не дотянули домик. И тогда приступили к сооружению на новой территории вспомогательного для домика корпуса.

При этом ещё 300 тысяч рублей на всю эту затею из государственного кармана потянули. Наконец, к 1 декабря минувшего года окончательно передвинули домик.

Торжество по этому случаю было немалое. Передвижки отправили во все инстанции урапобедные рапорты о новом, достигнутом ими чуде современной техники. Умолчали передвижки только о том, что сделана только половина дела: и каменный фундамент надо ещё подводить, и водопровод нужен, и канализация, и дворик у домика благоустроить надо. А для этого потребуются ещё 400 тысяч рублей.

Интересно знать, до каких пор будет тянуться это вытягивание государственных средств?

М. КУРЬЯНОВ

Крым.

НЕ В ДРУЖБУ, А В СЛУЖБУ,— ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ!

На некоторых автобусных маршрутах Москвы практикуется несколько неудобное, но чрезвычайно интересное движение — безостановочное.

Предположим, вы ждёте автобус № 4. Машина приближается — внимание! Чуть сбавлен ход — приготовьтесь!! На секунду приоткрылась входная дверь — прыгайте!!! Прыгайте, не задумываясь, кондуктор не станет ждать, пока

вы окажетесь в машине. Один семерых не ждёт. Звонок... Гудок... И двери, не успев принять вас, категорически захлопнулись. Ваша рука частично в автобусе, всё остальное снаружи. Хорошо, когда над вами сжалются и впустят, а если нет? Не отчаивайтесь, всё дело в практике. На десятый раз вы уже научитесь попадать в автобус полностью, без остатка.

...А может быть, всё-таки не рисковать? А что если попросить начальника управления пассажирского автотранспорта тов. Зеньковского остановить свое внимание на безостановочном движении автобусов?

— Остановите, товарищ Зеньковский!

НИКАКОГО ПОСЛАБЛЕНИЯ

Начальник Тайгинского вагонного участка, Томской железной дороги, инженер-майор тяги тов. Тяглый привык принимать решения быстрые и энергичные. Ознакомившись с обстоятельствами конфликта, происшедшего недавно на вверенном ему участке, он обнаружил следующий приказ:

«Поездной вагонный мастер Величко 17 декабря 1950 года явился к наряду во время, но немного выпивши, который был нарядчиком Антипиным от поездки оставлен в подозрении выпившим, но действительно Величко выпил 100 гр. водки, в поездку ехать мог, как был в нормальном состоянии.

Приказываю: Поездному вагонному мастеру Величко объявить строгий выговор».

Как видно, тов. Тяглый в своём административном рвении не намерен оказывать никакого послабления ни своим подчинённым, ни здравому смыслу, ни русскому языку!

— Боюсь, как бы не заехали к нам из области проверить состояние дорог!
— Не бойся, не доедут!

КАРЬЕРА ПРОХОРОВА

РАБОЧИЙ день директора Бийской сплавной конторы треста «Алтайлес» Александра Никифоровича Прохорова обычно начинается с просмотра почты. В «почтовые» часы директор бывал занят, как говорят, по горло: ежедневно в адрес конторы приходили десятки приказов, указаний, напоминаний. И в каждом фигурировала Бийская контора.

Такая популярность объяснялась очень просто: сплавная контора из года в год проваливала планы сплава древесины, оставляя на «голодном пайке» лесопильный завод и другие предприятия города и края. Поэтому-то многотерпеливый управляющий трестом тов. Горяинов вынужден был в каждом своём приказе, в каждой директиве во всех падежах склонять контору и её директора.

Однако, как говорится, ничто не вечно под луной. Убедившись на опыте нескольких лет совместной работы, что его указания и увещевания не действуют на Прохорова и тот по-прежнему продолжает срывать работу конторы, тов. Горяинов решил положить этому конец.

Сказано — сделано. 9 января 1951 года вышел приказ по тресту, в котором чёрным по белому было сказано:

«Директора Бийской сплавной конторы тов. Прохорова Александра Никифоровича от занимаемой должности освободить с 6 января сего года...»

Такова первая часть приказа. Но тов. Горяинов не ограничился простым освобождением Прохорова от должности. Если уж воздавать, так воздавать по заслугам и в полной мере! Поэтому в приказе далее следовало:

«...и перевести на работу в аппарат треста на должность исполняющего обязанности заместителя управляющего трестом по сплаву с окладом зарплаты по штатному расписанию».

Так шуку бросили в реку. Говорят, что тов. Горяинов недолго колебался в выборе себе заместителя. Единственное, что его смущало, — это необходимость утвердить Прохорова в вышестоящих организациях. В самом деле: как это сделать, если руководима Прохоровым контора в 1948 году план сплава леса выполнила на 88 процентов, в 1949 году — на 53, а в 1950 году — на 58 процентов! Разве можно приводить такие цифры!

Вот тут-то и задумался тов. Горяинов. Что касается его са-

мого, то он давно всё простил Александру Никифоровичу, а как на эти неутешительные проценты посмотрят в Министерстве?

Но тов. Горяинов и здесь нашёл выход: в соответствующих бумагах, касающихся деятельности Прохорова, он указал:

«Контора, руководимая тов. Прохоровым, в 1949 году сплывала леса на 26,1 тыс. метров больше, чем в 1948 году, а в

1950 году — на 57 тыс. метров больше против 1949 года».

Вот и всё! Просто и оригинально!

Что касается самого Прохорова, то он, надо думать, усиленно готовится к предстоящему сезону сплава: ведь развалить работу целого треста всё же гораздо сложнее, чем работу одной конторы!

П. БУТУРЛАКИН

Барнаул.

ПО ПЕЧАТНЫМ СТРАНИЦАМ НЕВЗИРАЯ НА ЛИЦА

НЕУВЯЗКА

Работники немировской газеты «Радянська правда» были неприятно поражены, когда 2 февраля 1951 года прочли во «Львовской правде» следующие, отнюдь не лестные строки:

«В области есть ещё газеты, отстающие от жизни, медленно, неоперативно решающие поставленные перед ними задачи. К их числу относится в первую очередь немировская районная газета «Радянська правда». На её страницах ещё не появилось ярких, волнующих материалов, пропагандистских статей, выступлений трудящихся».

— Худо, — сказали немировские журналисты. — Придётся признавать свои ошибки и перестраиваться на ходу.

Но не успели газетные работники из «Радянської правды» развернуть самокритику, как были приятно поражены отзывом газеты «Вільна Україна», который также был напечатан 2 февраля 1951 года:

«Немировская районная газета «Радянська правда» в предвыборные дни ярко рассказывает про расцвет Советской Украины, Львовщины и своего района в единой семье советского народа. В январе этого года газета на целой странице рассказала про то, каких успехов добились крестьяне района в коллективном строительстве. Интересные статьи она даёт под рубрикой «Беседа агитатора с избирателями».

— Как же быть? — воскликнули немировские журналисты. — Окунуться в пучину самокритики или же не окунуться?

Этот трагический вопрос не разрешён ими и по сей день.

ЯСНАЯ КАРТИНА

НАС глубоко взволновала одна статья стрелецкой районной газеты. В отличие от других литературных произведений эта статья представляет значительный интерес даже за долго до своего появления на печатных страницах. Несколько месяцев статья служит темой оживлённых разговоров.

— Ну как, Иван Романович, обстоят дела со статьёй? — по обыкновению спрашивает редактор у заведующего районным отделом сельского хозяйства. — Получается что-нибудь?

— Погоди немного, ещё не вырисовалась картина.

Ненаписанная статья интересна тем, что автор должен рассказать о работе группы сельскохозяйственной пропаганды. Ведь он, Иван Романович Митин, возглавляет эту группу. Тема важная. Редактор это понимает. И автор это понимает: большое дело начато в деревне! Но не пишется автору. Никак за перо не возьмётся. Просто нет никакой возможности написать.

Не в том дело, что Иван Романович перегружен. Есть достоверные данные о том, что он не слишком перегружен. И не в том дело, что Иван Романович пером не владеет. Есть сведения, что владеет. Товарищу Митину просто нечего пока написать о достижениях в сельскохозяйственной пропаганде, хотя со времени создания возглавляемой им группы прошло больше полугодия. Он не пишет не потому, что картина не вырисовалась, а потому, что вырисовалась явно плачевная картина.

Полгода назад в колхозе имени Дзержинского, Курской области, можно было слышать оживлённый разговор:

— О, раз создана группа пропаганды, наши районные агрономы и зоотехники теперь всерьёз поставят учёбу!

— Мы за это дело возьмёмся всей душой, — говорил Иван Романович.

— Мы приложим все силы, — повторял Иван Романович.

— Мы окажем всемерную помощь, — заверял Иван Романович.

В колхозе имени Дзержинского всю осень жили под впечатлением этих пламенных слов и решительных обязательств. В сентябре полеводы и животноводы с нетерпением запасались тетрадками и брошюрками. В октябре они с волнением ожидали со дня на день начала занятий. Но колокольчик на курсах так и не звонил. В ноябре колхозники ещё не теряли надежды на открытие курсов. В декабре они продолжали жить этой смутной надеждой. А в январе и в феврале, когда полагалось бы уже пройти добрую половину программы, они писали вместо конспектов и рефератов жалобы и заявления на животрепещущую тему:

— Доколе?

В районном центре в сентябре усиленно разворачивали подготовку к учёбе.

Главный зоотехник Вера Петровна Ожогина в сентябре со дня на день собиралась отправиться в колхоз имени Дзержинского руководить порученными ей курсами. В октябре она ещё не теряла надежды оторваться от текущих бумаг и выехать в колхоз хотя бы с опозданием. В ноябре Вера Петровна рвалась и рвалась от стола, но так и не оторвалась. В декабре и в январе сводки, докладные записки и проекты резолюций всё ещё приковывали её к столу, а в феврале снова блеснул было луч надежды, но в колхоз она так и не выехала.

Кроме Веры Петровны Ожогини, ветеринарный врач Кузнецов и некоторые другие специалисты тоже никак не смогли за полгода «вырваться» на занятия колхозных курсов.

Сам Митин назначен был руководителем курсов в колхозе имени Куйбышева. Ему тоже трудно было оторваться от стола.

Так что Ивану Романовичу пока решительно не о чем написать в газету.

На днях заглянули мы в Курское областное управление сельскохозяйственной пропаганды и почти никого не застали там. Не иначе, как весь штат собрался наконец-то на передовые позиции агротехнической и зоотехнической учёбы...

— Вы ошибаетесь, — сказала нам случайно задержавшаяся в управлении инженер Агнесса Николаевна Хмелевская. — Народ наш на семенах, на ремонте тракторов, на вывозке навоза, на снегозадержании. Вот где наш народ!

Товарищ Тарасов, начальник областного управления сельского хозяйства, оказывает повседневное внимание работникам вновь созданного управления пропаганды. Он ими весьма доволен. А как же иначе? Под рукой у начальника оказался солидный отряд порученцев. Любые задания с успехом выполняет этот солидный отряд. Но только пропагандой он пока ещё маловато занимается.

Редактор «Курской правды» поступил осторожнее, чем стрелецкий редактор: он ещё не заказал товарищу Тарасову статью об успехах сельскохозяйственной пропаганды.

М. АЛЕКСАНДРОВ

г. Курск.

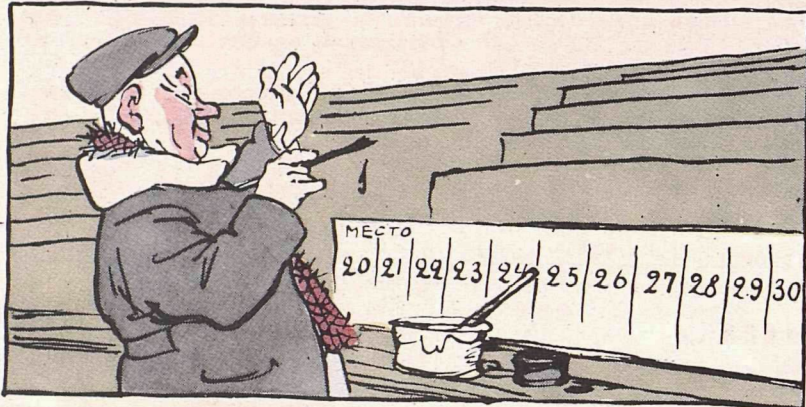
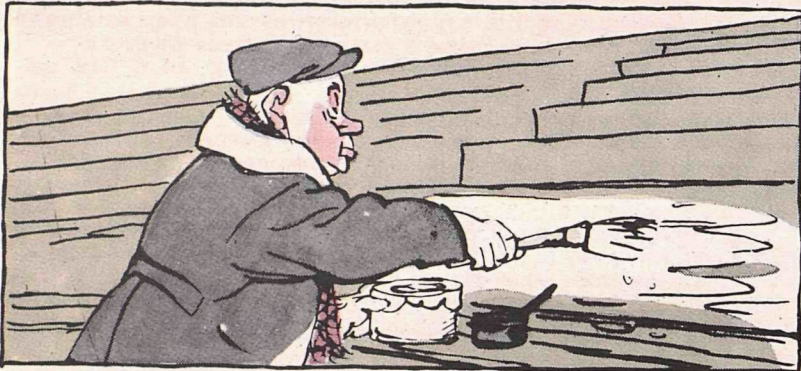
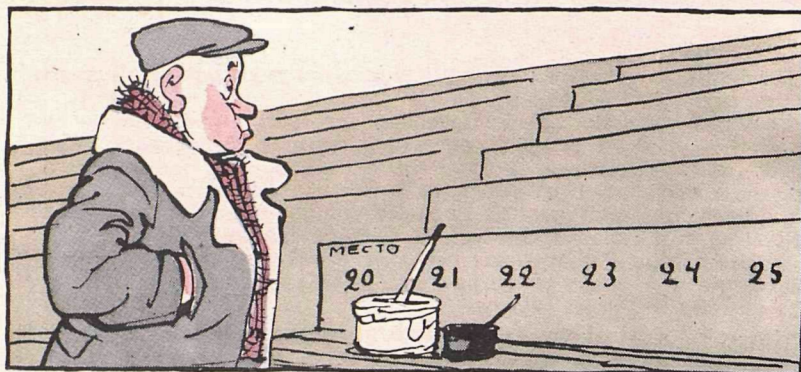
ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Рис. А. БАЖЕНОВА

— Доктор наотрез отказался выдать мужу бюллетень, и он так расстроился, что даже заболел!

Рис. Ю. УЗВЯКОВА

Подготовка к спортивному сезону.

В МИРЕ ПЕРНАТЫХ

Странные дела творятся среди пернатого населения, проживающего на колхозной куроферме села Ахкхлу. Даже почтенные куроведы из Дилижанского райсельхозотдела во главе с тов. Петросяном были обескуражены загадочным ходом событий.

Весной прошлого года эти специалисты по птичьему вопросу посетили ферму и обрадовались, увидев 20 (двадцать) наседок. Но радость их была преждевременна: при ближайшем рассмотрении под наседками не было обнаружено ни одного яйца! Яиц не нашли ни здесь, ни в других укромных местах. Не углубившись в изучение столь туманного явления и сославшись на мудрую народную поговорку, гласящую, что цыплят, дескать, по осени считают, работники сельхозотдела отбыли восвояси, обещав приехать осенью.

Но они, как говорится, просчитались: осенью на ферме не оказалось ни одного цыплёнка.

Выяснилось, что Рагим-Садих Амир-Кули-оглы, живущий в соседнем селе Полад, был приглашён заведывать фермой как незаменимый работник. И действительно, новый заведующий оказался незаменимым в области ухода за собственными курами, которых он окружил неусыпными заботами и кормил за счёт колхозной фермы. Его куры прослыли рекордистками, и каждая курица принесла за год 108 яиц, в то время как на тяжкую долю колхозной курочки выпало всего по $4\frac{1}{2}$ яйца.

За эти непосильные в свою пользу труды заведующему фермой ежемесячно насчитывается 15 трудодней. На корм птицеферме отпущено 2800 килограммов зерна, а правление колхоза никак не может разобраться, где же зерно истины: на что ушло 10 тысяч рублей, отпущенных птицеферме, почему из 500 закупленных цыплят не выжил ни один?

Среди колхозников идёт молва, что в правлении колхоза больше куроведов, нежели куроведов. И ещё поговаривают, что местные следственные органы, очевидно, страдают куриной слепотой, поскольку не замечают безобразий на куроферме в Ахкхлу, а также и на других птицефермах в районе.

Т. ГАЛУСТЯН

Дилижанский район,
Армянская ССР.

Леонид КУДРИН

ВЕСЕННИЙ ДИАЛОГ

(К ВОПРОСУ О ЧИСТОТЕ ЯЗЫКА)

Обычная картина: он, она,
Весна, и соловей звенит в ночном тумане.
Плывёт по небу бледная луна,
Как и в любом порядочном романе.

Он говорит:

— Как хорошо, взгляни,
Блестит для нас луна во мраке полуночном,
Как будто в целом мире мы одни!

В ответ звучит одно лишь слово:

— Точно!
— С тобой, мой друг, мечтал я быть всегда,
Не различаясь, чувства не скрывая,
Ты для меня, как ясная звезда!..
Какая ночь!..

— Погодка мировая!
— Я так давно хотел тебе сказать
От всей своей души, открыто, без загадок:
Я так тебя люблю, что трудно передать!

И слышится в ответ ему:

— Порядок!

г. Иваново.

ОЗОРНИК

ПРОСЛАВЛЕННЫЕ Помяловским озорники бурсы бледнеют перед нашим современником, директором Кривской машинно-тракторной станции Фёдором Яковлевичем Скоробогатовым. В их проделках не было той искромётной фантазии, того размаха, какими отличаются выходки Фёдора Яковлевича. Вспомним описанный Помяловским поход бурсаков в баню. В пути они «рассыпали серию мелких скандалов». Сатана бросил в сторожа ком грязи и наплевал в кадушку с капустой. Мехалка раскачала тумбу и выдернул её из земли.

Но что тумба? Чепуха. Фёдор Яковлевич умудрился привязать к коровьему хвосту колесо. Необычайное это происшествие произошло при следующих обстоятельствах. Корова одной из колхозниц забрела в угодку Кривской машинно-тракторной станции. Опрометчивая бурёнка была немедленно наказана: Фёдор Яковлевич собственноручно привязал к её хвосту колесо от машины. Дескать, не броди там, где не положено.

Едва умолкли толки и пересуды об этом странном происшествии, как Скоробогатов поразил жителей села Кривское новой выходкой.

Но об этом следует рассказать подробнее.

Был чудесный августовский день. Директор спокойно шёл вдоль межи, как вдруг услышал вызывающее гусиное гоготанье. В голове у Скоробогатова мгновенно созрел план действий. Маскируясь, где ползком, где перебежками, он подобрался к гусиной стае. Резкий бросок — и вот уж директор держит вожака стаи за длин-

ное тонкое горло. Однако Фёдор Яковлевич несколько недооценил силы противника. Гуси бросились защищать вожака. Последовала короткая, но жаркая схватка. Директор отступил и кликнул подмогу. На крик прибежали работницы МТС Клавдия Зайкова и Елизавета Киселёва. Птица была переловлена и тут же наказана. Каждый гусь был собственноручно опущен Фёдором Яковлевичем в бак с отработанным маслом.

Два гуся не выдержали купания и тут же издохли, пять — потеряли зрение, а остальные закончили своё брэнное существование несколько позднее. Дело в том, что при наступлении холодов слипшиеся перья и пух перестали служить для гусей надёжной защитой от непогоды. Хозяевам пришлось прирезать пострадавшую птицу. Однако в жареном виде гуся не доставили владельцам особых гастрономических радостей: гусиное мясо пахло отработанным маслом и автотол. Разобиженные колхозники подали в суд. Однако судья Ольховского района тов. Платунова из-за каких-то незначительных формальностей отложила дело. Ну а директор не дремал: угрозами и посулами он побуждал истцов прекратить дело.

И всё пошло по-старому. Жители села Кривское с опаской ждут новых проделок великовозрастного озорника. При его приближении они поспешно загоняют во дворы всю живность, начиная от коровы и кончая котёнком.

В. ЦАМ,
С. МАЛЫШЕВ

г. Курган.

СТУДЕНТ-СТАРШЕКУРСНИК (младшекурснику): — Не знаю, я этого ещё не сдавал!
 — А это?
 — Не знаю. Это я уже сдал.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Товарищ Крокодил!

Строительная техника шагнула далеко вперёд, но мы, право, не слышали, чтобы где-нибудь в качестве строительного материала применялись обещания. Из обещаний, как известно, даже шубы не сошьёшь. Однако заместитель министра высшего образования Н. В. Лазуков придерживается на этот счёт несколько иного мнения. Он полагает: достаточно лишь пообещать, что к восстановлению разрушенного во время войны одного из корпусов студенческого общежития Московского химико-технологического института имени Менделеева будет приступлено, — и пред глазами изумлённых студентов, как в сказке, предстанет отремонтированное здание.

Но, к сожалению, всё обстоит далеко не так. Несмотря на то, что ещё в сентябре прошлого года тов. Лазуков принял представителей студенческого совета института и в самых тёплых словах заверил, что к ремонту общежития будет приступлено не позже 1 октября, положение остаётся прежним.

А мы думали, что обещания заместителя крепки, как железобетон. Увы, они оказались зыбкими, словно песок!

И. ТУЖИЛКИН,
 секретарь партбюро института,
Э. КИРИЧЕНКО,
 секретарь комитета ВЛКСМ,
И. СПЕКТОР,
 председатель студсовета
 Москва.

Дорогой Крокодил!

Не возьмёшься ли ты излечить директора Пестовской стройконторы (Новгородская

область) В. В. Смирнова, страдающего весьма странной болезнью? Порой у него наблюдается полная потеря памяти. Распорядился он как-то снять прогнившую крышу с Охонского детского дома и запомнил поставить взамен новую.

Построил, как говорится, через пень-колоду Охонский клуб, а на приёмку его, чреватую неприятностями, приехать забыл.

Некоторое просветление памяти у тов. Смирнова наступает лишь, когда нужно получить деньги по сметам. Этого он никогда не забывает.

Б. СМИРНОВ,
 заведующий Охонским клубом
 Пестовский район,
 Новгородской области.

Уважаемый Крокодил!

По заключённому с нами договору дагестанское отделение Главсельэлектро должно было построить к 1 мая 1949 года оросительную станцию для нашего колхозного сада.

К назначенному сроку оказался выполненным только один пункт договора: с нас были получены деньги на постройку. После этого мы больше не видели сотрудников дагестанского отделения Главсельэлектро. Нам бы хотелось увидеть их, а ещё больше — столь нужную колхозу оросительную станцию.

Муртазали КУРБАНОВ
 Даг. ССР,
 Гергебильский район.

Дорогой Крокодил!

Я принадлежу к той большой армии людей, которые состоят заочниками того или иного вуза. И, как большинство этих заочников, не могу достать некоторых учебников, необходимых для сдачи зачётов.

Есть такая многообещающая организация «Книга — почтой». Она гостеприимно приглашает обращаться к ней, обещая выслать книги по любому вопросу. Но когда заказываешь какой-нибудь учебник, обычно получаешь ответ: его нет.

Можно заочно учиться, но никак нельзя, готовясь к зачётам, пользоваться заочными учебниками.

Н. АДРИАНОВ
 Ст. Евдаково,
 Воронежской обл.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

♦ В № 34 Крокодила за прошлый год было опубликовано письмо тов. Соколова о плохом качестве протезов Горьковского завода.

Из Главпротеза сообщили, что приняты меры для улучшения качества изготавливаемой продукции. В помощь заводу направлена бригада специалистов. Дирекции предложено каждый квартал проводить конференции по качеству продукции.

♦ В Крокодил поступило письмо о том, что председатель Павловского сельсовета, Омской области, тов. Сидоренко злоупотреблял своим положением. Исполком Омского облсовета проверил факты и сообщил: Сидоренко от работы освобождён. Облпрокуратуре предложено привлечь Сидоренко к судебной ответственности.

♦ Тов. Пенкин сообщил в Крокодил о том, что в Варнауль-

ской городской больнице для туберкулёзных больных неудовлетворительно поставлены лечение и питание. Министерство здравоохранения РСФСР сообщило, что главный врач больницы тов. Григорович с работы снят.

С ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

Рис. Н. ОГНИВЦЕВА (Харьков)

— Хорош гусь! До сих пор к весне не подготовился!

Всесоюзная
Книжная Палата
Обяз. экземпль.
1951 г.

1871—1951

Потомки палача Тьера.

